
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327(47+474.5)(091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.024

Советско-литовские отношения в рамках подготовки к заключению договора о ненападении с Литвой

Баканов Дмитрий Константинович

младший научный сотрудник Института Всеобщей истории, Российская академия наук.
Россия, г. Москва. ORCID: 0009-0000-1078-9373. E-mail: b79190524539@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена развитию советско-литовских отношений в 1923–1926 гг., приведшим к подписанию договора о ненападении между СССР и Литовской республикой 28 сентября 1926 г. Важность литовского направления внешней политики Народного комиссариата иностранных дел СССР была обусловлена попытками Франции и Великобритании создать антисоветский блок из появившихся на руинах Российской, Германской и Австро-Венгерской империй государств-лимитрофов. Однако возникший после «Бунта Желиговского» 1920 г. Виленский вопрос стал причиной польско-литовского конфликта, который делал невозможным данное объединение. Решение Лигой Наций «Виленского вопроса» в 1923 г. в пользу Варшавы усилило готовность руководства Литовской республики развивать двусторонние отношения с СССР. Польша оказалась более важным игроком для основных участников Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, и политические интересы Каунаса были не столь важны для Лондона и Парижа, как интересы Варшавы. Ввиду сложности советско-польских отношений Литва становилась естественным союзником СССР в регионе, что позволяло советской дипломатии противостоять планам участников Лиги Наций в формировании антисоветского «Санитарного кордона». Первая попытка подписать договор о ненападении с Литвой будет предпринята Народным комиссариатом иностранных дел в 1923 г. Однако вследствие благополучного для себя разрешения «Мемельского вопроса» литовская сторона в начале 1924 г. отказалась от столь тесного сближения с СССР, опасаясь негативной реакции Франции и Великобритании. В 1926 г. СССР и Литовская республика вновь вернулись к идее заключения договора о ненападении в связи с военным переворотом Ю. Пилсудского в Польше, угрозой силового подчинения Литвы польскими вооруженными силами, а также дипломатическими неудачами обеих сторон в переговорах с Латвией, Эстонией и Финляндией о гарантийных соглашениях.

Ключевые слова: СССР, Литва, Версальско-Вашингтонская система, Виленский вопрос, Г. В. Чичерин, гарантийные соглашения.

Советско-литовский мирный договор, заключенный в Москве 12 июля 1920 г., стал отправной точкой для развития взаимодействия и сотрудничества между Страной Советов и Литовской республикой. После ратификации Московского мирного договора 9 сентября 1920 г. между РСФСР и Литвой установились хорошие отношения. Позиции обоих государств сближал общий враг – Польша, руководимая Ю. Пилсудским. Неудачи РККА в Советско-польской войне вынудили советскую сторону пойти на заключение Рижского мирного соглашения с Польской республикой. Закрепление польско-советской границы восточнее советско-литовской, установленной Московским договором от 12 июля 1920, сделало возможным «Бунт Желиговского», результатом которого стала потеря Литвой своей столицы Вильнюса. Литовская республика утрачивала для советской стороны стратегическое значение, выражающееся в связующем положении Литвы между советским государством и Германией. Тем не менее, оставаясь крупнейшей страной Восточной Европы со стремлением играть активную роль в мировой политике, Советская Россия оказывала свое влияние на политику стран региона, в связи с чем советско-литовские отношения оставались важной составляющей политического ландшафта Восточной Европы.

В начале 1920-х гг. у руководства стран Антанты возникли планы по созданию «Балтийского союза», внешнеполитического объединения стран Балтии и Польши в антисоветском военном блоке [11, с. 186]. В Риге, Таллине и Варшаве антисоветский консенсус был достигнут, однако в Каунасе, без которого данное объединение было невозможно ввиду географического положения Литвы, данную позицию не разделяли [11, с. 242]. Созданию «Балтийского союза» препятствовал польско-литовский конфликт, который сближал Литву и Советскую Россию на антипольской основе. Уже 23 февраля 1921 г. Литовское руководство вручило советскому полпреду А. Е. Аксельроду ноту о невступлении Литвы в «Балтийский союз», которую советская сторона добивалась получить от литовского руководства с января 1921 г. [1, с. 122–123]. В дальнейшем именно позиция Литвы вносила разлад в попытки создать единый антикоммунистический санитарный кордон в Восточной Европе.

Небольшая, не густонаселенная и экономически не развитая Литва не могла самостоятельно противостоять возродившемуся польскому государству, за которым стояли Французская и Британская империи, ввиду чего литовское руководство было вынуждено искать сближения с Советским Союзом. Согласно мнению полпреда СССР в Литве И. Л. Лоренца, изложенному в записке члену коллегии НКВД В. Л. Коппу от 31 октября 1923 г.: «как бы это ни было не по душе буржуазно-клерикальным заправилам Литвы, они приходят по методу остатков к выводу, что единственную поддержку они могут найти в России» [17, л. 152].

Литовское руководство было готово пойти на подписание договора о ненападении с СССР еще в 1923 г. Накануне визита В. Л. Коппа в Варшаву 28 октября 1923 г. [5, с. 249] советский дипломат посетил Каунас. Литовские власти в разговоре с ним проявили просоветскую позицию в вопросе транзита советских грузов в Германию, где в тот момент сложилась революционная ситуация. Литовское руководство заявило о готовности зафиксировать устные договоренности с В. Л. Коппом 15 ноября 1923 г. Однако 16 ноября 1923 г. состоялось заседание литовского сейма, на котором был поднят вопрос о несоблюдении советской стороной нескольких пунктов Московского договора от 12 июля 1920 г. Литовские депутаты требовали от Москвы возместить вклады литовских граждан [17, л. 162]. Кроме того, литовские парламентарии требовали выполнения от советской стороны второго пункта XII статьи Московского договора о передаче Литве в концессию 100 тыс. десятин леса под вырубку в приграничных районах [9, с. 352], что по утверждению министра-председателя и министра иностранных дел Литвы Э. Галванаускаса было невозможно выполнить ввиду отсутствия советско-литовской границы и занятия Польшей предназначенных для вырубки леса литовцами те риторий [17, л. 164]. Данные выступления продемонстрировали НКВД наличие антисоветских групп в литовском политическом истеблишменте, готовых создавать напряжение в советско-литовских отношениях. В записке полпреда СССР в Литве И. Л. Лоренца В. Л. Коппу от 23 ноября 1923 г. подчеркивалась недопустимость таких требований от представителей правительственной фракции. Тем не менее советский дипломат предложил поручить послу Литвы в СССР Ю. Балтрушайтису, который должен был вернуться в Москву для утверждения литовского плана соглашения с СССР 25 ноября, выработку механизма возврата вкладов литовских граждан в банки Российской империи [17, л. 167].

На заседании коллегии НКВД СССР 20 ноября было решено пойти на заключение военной конвенции с Литвой [11, с. 249]. Согласно сообщению В. Л. Коппа от 4 декабря 1923 г., в процессе переговоров с Литовским правительством появилась возможность заключения трех соглашений: 1. Соглашение о невмешательстве во внутренние дела Германии; 2. Соглашения между генеральными штабами СССР и Литвы; 3. Политический договор, который должен был закрепить военное соглашение между генштабами [17, л. 107]. В секретном проекте договора, в частности, прописывались следующие пункты «1. В случае военного конфликта между СССР и Польшей вооруженные силы договаривающихся сторон действуют совместно, по плану, согласованному ген. штабами армий СССР и Литвы. 2. Если в ходе совместных военных операций область Виленской Литвы или какая-либо ее часть будет занята войсками СССР, правительство СССР будет рассматривать ее как составную часть Литовского государства в границах, определенных мирным договором между Россией и Литвой от 12 июля 1920 г. ... 3. С момента вступления в силу настоящего договора правительство Литвы обязуется не заключать с Польшей никаких договоров или соглашений относительно спорных территорий» [17, л. 109]. Таким образом, В. Л. Коппу предварительно удалось достичь на переговорах с литовским правительством соглашения, которое можно характеризовать как оборонительный союз против Польши. В сообщении советского полпреда в Литве И. Л. Лоренца В. Л. Коппу

28 ноября 1923 г., в котором советский дипломат сообщал о своем разговоре с литовским послом Ю. Балтрушайтисом, сообщалось, что ему удалось даже согласовать литовских генералов, которые должны были прибыть в Москву для выработки военной части соглашения [17, л. 169].

Однако данное соглашение могло привести к серьезному изменению военно-политической обстановки в Восточной Европе и для обеих сторон стоило оценить целесообразность такого шага. Для советской стороны было важнее договориться о транзите в Германию, а не создавать антипольскую коалицию. Миссия В. Л. Коппа подразумевала договоры с Польшей, Латвией и Литвой о транзите в Германию и из нее, а также обеспечить нейтралитет этих стран по отношению к Германии, независимо от режима, который мог установиться в ней [11, с. 244]. В секретной записке В. Л. Коппа секретарю ЦК РКП И. В. Сталину от 1 декабря 1923 г. сообщалось: «Наше дипломатическое выступление в Прибалтике встречает самое ожесточенное сопротивление со стороны Франции» [17, л. 113]. Ввиду польско-литовского конфликта и союзнических отношений между Варшавой и Парижем литовское руководство было заинтересовано в случае обострения конфликта иметь военное соглашение с СССР, чем и объясняется успех миссии В. Л. Коппа в Каунасе.

На заседании политбюро ЦК РКП от 13 декабря 1923 г. по вопросу о переговорах с Литвой было заключено следующее: «Принять в принципе предложенный НКВД проект договора с Литвой; внести в первый пункт проекта договора указание на то, что договор этот подписывается обеими правительствами максимально стремящимися к сохранению мира, но в случае, если эти усилия не увенчаются успехом и Польша так же, как в 1920 г. нарушит мир, то вооруженные силы договаривающихся сторон действуют совместно и т. д.; внести в пункт 2 проекта договора добавление о том, что признание Виленщины частью Литовской территории должно быть сделано на основе принципа самоопределения народностей; внести в остальные пункты проекта договора замечание о самоопределении; поручить окончательное редактирование проекта договора коллегии НКВД» [14, л. 2]. Данный документ, с одной стороны, подтверждал добрососедские отношения СССР и Литвы и признавал несправедливость решения Конференции послов по признанию Виленщины за Польшей, однако пункт про принцип самоопределения народностей не давал однозначную оценку принадлежности Виленщины Литве и оставлял «Виленский вопрос» в подвешенном состоянии в рамках даже советско-литовских отношений.

Примечательно, что по оценке советского полпреда в Литве И. Л. Лоренца, изложенной в записке В. Л. Коппу 28 ноября 1923 г.: «В патриотическо-националистических литовских кругах весьма сильно стремление к сближению с Совпра (советским правительством. – Д. Б.). Это стремление все крепнет и начинает приобретать адептов также среди других влиятельных кругов. Широкие массы крестьянства всегда относились к Совроссии весьма сочувственно» [17, л. 171].

За отказ от соглашения с Москвой выступали правоконсервативные круги литовского государства, интересы которых выражал министр-председатель и министр иностранных дел Литвы Э. Галванаускас [17, л. 171]. При этом националистические круги литовского политического истеблишмента прагматично выступали за формирование антипольского союза [7, с. 176]. Таким образом, в Литовской республике не было единства по вопросу сотрудничества с СССР, поскольку, несмотря на возможность вернуть Виленщину, данный союз серьезно осложнил бы отношение Каунаса с Парижем и Лондоном.

Незвизрая на достигнутые устно договоренности с СССР, уже в конце декабря 1923 г. литовское руководство начало затягивать переговоры с Советским Союзом [17, л. 181]. Ввиду благополучного разрешения в свою пользу Клайпедского вопроса 4 января 1924 г. литовское правительство заявило о необходимости уточнения соглашения с СССР, а 24 марта и вовсе отказалось подписывать с Москвой договор о ненападении [11, с. 253]. Советская сторона, в свою очередь, также потеряла интерес к сближению с Литвой в конце 1923 г. из-за стабилизации обстановки в Веймарской Германии [7, с. 186–188]. В данных условиях Литва теряла положение стратегического пункта, потенциально связующего советское государство с охваченной революцией Германией. Таким образом, в 1923 г. советско-литовского сближения не случилось.

На фоне отказа от сближения с СССР, по инициативе Литвы в Каунасе 19–22 мая 1924 г. прошла литовско-латвийско-эстонская конференция по вопросу о создании союза стран Балтии (без Польши). Стороны договорились о созыве комиссии экспертов по выработке экономического соглашения, однако ввиду зависимости руководств балтийских стран от Лондона и

Парижа идея создания самостоятельного союза Литвы, Латвии и Эстонии не получила развития [11, с. 253]. Реализации данного союза мешал польско-литовский конфликт из-за Вильно, и латвийская сторона давила на Каунас в вопросе достижения компромисса с Варшавой [17, л. 171]. Без урегулирования Виленской проблемы Латвия и Эстония были не готовы вступать в союз с Литвой ввиду последовавшего бы в этом случае ухудшения отношений с Польшей, а следовательно, и с Францией. Литовское правительство было готово начать переговоры с Польшей для преодоления дипломатической изоляции Литвы, однако общественное мнение в республике было однозначно против уступок Польше. В сообщении полпреда СССР в Литве И. Л. Лоренца В. Л. Коппу от 28 ноября 1923 г. сообщалось: «Несколько попыток, сделанных в последнее время Литпра (литовским правительством. – Д. Б.) провести переговоры с Польшей вызвали в стране резкое возбуждение, и Гальвановский (Э. Галванаускас. – Д. Б.) счел нужным арестовать Сметону и Вольдемараса (находившихся в оппозиции правительству Э. Галванаускаса. – Д. Б.) за будто бы неправильное распространение сведения о переговорах, несмотря на то, что в Ковно в ответственных кругах открыто говорят, что переговоры эти имели место» [17, л. 171]. Тем не менее между Литвой и Латвией в июле 1924 состоялся конгресс по вопросам двустороннего сближения, на котором латвийская сторона признает Вильно за Литвой, однако под давлением стран Антанты в Риге отказались от данных соглашений, что привело к охлаждению литовско-латвийских отношений, а идеи сближения стран Балтии в 1924 г. окончательно заглохли [11, с. 254].

Послевоенное устройство Европы, претерпевавшее изменения в начале 1920-х, постепенно урегулировалось. С 1924 г. в Европе наступала «эра пацифизма», для которой были характерны принципиальный отказ от войны как инструмента политики и стремление к формулированию концепции этнокультурной общности всех европейских народов [2, с. 392]. В данных условиях страны Антанты потеряли интерес к организации антисоветского Балтийского союза. Последняя конференция министров иностранных дел стран Балтии и Польши прошла 7–11 ноября 1925 г. в Женеве [12, с. 112]. Таким образом, идея Балтийского союза сошла с повестки дня внешнеполитических ведомств европейских государств.

В конце 1925 г. НКВД СССР вновь после неудачи 1923 г. вернулся к идее подписания гарантийных соглашений с Польшей и странами Балтии. Во время визита Г. В. Чичерина в Варшаву 28–29 сентября 1925 г. советский наркоминдел провел встречу с главой польского МИД А. Скшиньским, на которой обсуждалось достижение советско-польских договоренностей в торговой и внешнеполитической сфере и в вопросе о взаимном нейтралитете в случае конфликта СССР в прибалтийском и причерноморском регионах [5, с. 416]. По утверждению Г. В. Чичерина: «Ничего связующего нас не имело места. Мы обсуждали со Скшиньским общие перспективы, оставляя место для будущих переговоров разработку обязательств. Чисто теоретически мы говорили о перспективах переговоров по гарантийному пакту» [5, с. 418]. Таким образом, несмотря на теплый прием советского наркома в Варшаве [5, с. 413], Г. В. Чичерин и А. Скшиньский не достигли взаимопонимания в вопросе заключения гарантийного соглашения, однако была создана почва для дальнейших переговоров.

На международной конференции в Локарно, прошедшей в октябре 1925 г., международное положение Польши осложнилось ввиду отказа руководства стран Антанты от приниженного положения Германии, и уравнивая последнюю в правах с державами-победительницами в Первой мировой войне [10, с. 324], данное обстоятельство было воспринято в Москве как возможность оказать давление на союзную Парижу Варшаву в переговорах о гарантийном соглашении [12, с. 113–114].

Следующий эпизод переговорного процесса прошел 18 февраля 1926 г. в Москве между Г. В. Чичериным и польским посланником в СССР С. Кентшиньским, на котором ключевым стал вопрос о нейтралитете стран Балтии [5, с. 464–465]. Польская сторона настаивала на заключении единого пакта о ненападении между Польшей, странами Балтии и СССР, а советская сторона усматривала в этом намерение Варшавы создать единый антисоветский фронт в Восточной Европе [5, с. 466]. Достигнуть консенсуса на данной встрече сторонам не удалось, и советско-польские переговоры продолжились.

Ввиду советско-польских переговоров литовское руководство приняло решение искать договоренностей с СССР, не дожидаясь решения судьбы Литвы крупными державами без ее участия. Этому способствовала возможность пересмотра Мемельского вопроса, которая обсуждалась на Локарнской конференции по инициативе Польши [12, с. 115]. Согласно телеграмме полномочного представителя СССР в Литве С. С. Александровского члену Коллегии

НКВД СССР С. И. Аралову от 9 ноября 1925 г.: «Министр иностранных дел Рейнис вызвал меня к себе и сделал следующее заявление: Литовское правительство желает видеть Чичерина в Ковно, с тем чтобы подписать с ним протокол, состоящий из двух пунктов. Первый – об определении места и времени первой советско-литовской конференции для заключения широкого торгового договора, основные положения которого будут на днях подготовлены литовской стороной в письменной форме. Второй – о согласии обеих сторон заключить политическое соглашение гарантийного характера или о взаимном ненападении с подтверждением литовских границ в рамках договора 1920 г. ... Рейнис обещал дать проект такого протокола, но просил меня не задерживать возбуждения вопроса перед Чичериным, чтобы не получилось, что Литва опоздала» [3, с. 660–661]. Данное сообщение демонстрирует высокую степень заинтересованности литовского руководства в заключении договоренностей с СССР как с единственным потенциальным партнером в регионе. В свою очередь для Москвы заключение гарантийных договоренностей с Каунасом давало возможность оказывать давление на Варшаву в вопросе переговоров последней с СССР [12, с. 117]. Данные обстоятельства в конце 1925 г. создали благодатную почву для советско-литовских переговоров по заключению договора о ненападении.

В расширении советско-литовского сотрудничества в конце 1925 г. было заинтересовано в первую очередь литовское правительство. В начале декабря литовским министром иностранных дел М. Рейнисом был представлен проект протокола о советско-литовских отношениях, который литовская сторона предлагала подписать во время кратковременного пребывания Г. В. Чичерина в Каунасе [3, с. 811].

23 декабря 1925 г. состоялся визит советского наркома иностранных дел Г. В. Чичерина в Каунас, где он встретился с президентом Литвы А. Стульгинским и министром иностранных дел Литвы М. Рейнисом. На данной встрече обсуждалась возможность заключения советско-литовского договора о ненападении. Основными вопросами будущих переговоров стали: 1. Координация политики двух стран в отношении Польши, Латвии и Эстонии; 2. Подтверждение Московских договоренностей 1920 г.; 3. Признание Советским Союзом Парижской конвенции о передаче Мемельского края Литве; неучастие Литвы в антисоветских коалициях. Советский нарком также отметил, что постановления Совета Лиги Наций, согласно ее уставу, могут быть изменены, что делает возможным пересмотр решения конференции послов от 15 марта 1923 г. о передаче Виленского края Польше. Однако Г. В. Чичерин не подписал подготовленный литовской стороной протокол, опасаясь осложнения советско-польских отношений [12, с. 118–119].

В начале 1926 г. советско-польские переговоры о заключении гарантийного пакта зашли в тупик. В письме члена коллегии НКВД С. И. Аралова полпреду СССР в Польше П. Л. Войкову о ходе советско-польских переговоров от 2 марта 1926 г. сообщалось: «Основным вопросом поляки поставили прибалтийский вопрос» [5, с. 471]. Во время беседы советского полпреда П. Л. Войкова с польским главой правительства и МИД А. Скшиньским 29 марта советский дипломат настаивал на заключении двусторонних договоров с Польшей, а польский дипломат добивался коллективного договора, несмотря на отсутствие дипломатических отношений Польши с Литвой [5, с. 480–482]. В инструкции министра иностранных дел А. Скшиньского посланнику Польши в СССР С. Кентшиньскому от 29 апреля 1926 г. подтверждалась приверженность Варшавы к идее заключения общего гарантийного пакта между странами Балтии и Польши, с одной стороны, и СССР, с другой [5, с. 487–489]. Позиция польских дипломатов ставила под сомнение целесообразность продолжения переговоров для советской стороны. Данные обстоятельства делали возможным советско-литовское сближение, поскольку в новых условиях для советской стороны вопрос о гарантийном договоре с Польшей терял свою актуальность.

Решение о начале переговоров со странами Балтии было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 18 февраля 1926 г. Замысел советского руководства заключался в оказании давления на Польшу путем начала самостоятельных переговоров с руководством балтийских государств. Советские полпреды в Таллине, Риге, Гельсингфорсе и Каунасе получили инструкцию от НКВД о начале зондажа почвы для заключения гарантийных пактов [13, л. 23].

В планы советского дипломатического ведомства изначально входило заключение четверного гарантийного соглашения между Эстонией, Латвией, Литвой и СССР без участия Польши, тем самым НКВД планировал упредить Варшаву в создании коалиции в Восточной Европе. По замыслу выдающегося советского дипломата М. М. Литвинова после конференции

в Локарно у глав государств – лимитрофов, ввиду отсутствия гарантий границ в Восточной Европе от великих держав, могла возникнуть обеспокоенность за собственную территориальную целостность, которую могло обеспечить заключение договора о ненападении с Советским Союзом [19, с. 97].

Советский полпред в Каунасе С. С. Александровский получил указание из НКВД о выяснении позиции литовского правительства насчет заключения коллективного пакта в феврале 1926 г. По замыслу НКВД, наиболее дружелюбно настроенная к СССР Литва должна была стать ориентиром для руководства Латвии и Эстонии, однако С. С. Александровский не питал иллюзий насчет возможности заключения такого пакта. Несмотря на заверения литовского посла в Москве Ю. Балтрушайтиса о готовности литовского правительства подписать коллективный договор, в разговоре советского полпреда С. С. Александровского с директором экономического департамента МИД Литвы Леонасом Бистрасом литовский политик обозначил неготовность Литвы к заключению данного договора [12, с. 121–122]. В телеграмме С. С. Александровского члену Коллегии НКВД СССР С. И. Аралову от 9 марта сообщалось, что Л. Бистрас высказал личную точку зрения, что следует скорее закончить переговоры между Литвой и СССР о политическом соглашении, не осложняя их переводом в новую плоскость коллективного договора с Прибалтикой [4, с. 159]. Советский полпред в Литве так оценивал перспективы переговоров Литвой: «Общее впечатление таково, что Литва предпочитает отдельный договор и теперь торопится со своими предложениями» [4, с. 160].

Поскольку даже с самой лояльной к Советскому Союзу среди Балтийских государств Литвой не удалось прийти к взаимопониманию в вопросе четырехстороннего соглашения, НКВД отходит от идеи данного пакта [19, с. 98]. Советский полпред в Литве С. С. Александровский получил из Москвы директиву, в которой ему поручалось вести сепаратные переговоры с литовцами уже 13 марта 1926 г. [12, с. 122]. В свою очередь, литовское правительство 31 марта дало свое согласие на ведение двусторонних переговоров с Советским Союзом, которые начнутся в апреле 1926 г. [11, с. 277]. Таким образом, НКВД пришлось отказаться от идеи перехвата инициативы в Прибалтийском регионе у Польши путем заключения четырехстороннего договора и перейти к сепаратным переговорам со странами Балтии.

Советская сторона для переговоров с Литвой планировала взять в качестве образца советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 г., предоставив литовским дипломатам возможность внести коррективы в текст соглашения [4, с. 159]. Согласно данному договору, СССР и Турецкая республика взаимно обязывались не начинать агрессивной войны, также отказывались от участия во враждебных коалициях по отношению к обоим подписантам [3, с. 739–741]. Для литовской стороны подобного соглашения было недостаточно, поскольку для Каунаса было важно, чтобы в Москве официально признали Виленский и Мемельский край за Литвой. Проект договора был представлен министром иностранных дел Литвы М. Рейнисом советскому полпреду С. С. Александровскому 16 апреля 1926 г. По утверждению литовского дипломата, в Москве были заинтересованы в существовании независимого литовского государства. В связи с чем военной агрессии со стороны Москвы в Каунасе и без договора не ожидали, в отличие от Варшавы, что в свою очередь для Литвы обуславливало необходимость подкрепления гарантийного соглашения с СССР секретным протоколом о взаимопомощи в случае нарушения территориального суверенитета одной из сторон [12, с. 123].

Данный проект был передан послом Литвы в Москве Ю. Балтрушайтисом члену коллегии НКВД СССР С. И. Аралову 20 апреля 1926 г., а уже 23 апреля коллегия НКВД постановила, что СССР не сможет гарантировать суверенитет Литвы, в связи с чем секретный протокол был отвергнут советской стороной, а Виленский и Мемельский вопросы было предложено вынести в отдельную статью договора. Ключевой причиной отказа НКВД от идеи секретного протокола было отсутствие гарантий, что этот протокол не будет обнародован, что неизбежно обостряло бы отношения СССР с Польской республикой [12, с. 123–124]. В Варшаве действительно обратили серьезное внимание на ведение сепаратных советско-литовских переговоров и на возможную официальную поддержку Литвы в «Виленском вопросе» [21, с. 89], однако для Варшавы гораздо серьезнее оказалась новость о заключении договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией 27 апреля 1926 г. [4, с. 250–252].

Советско-германский договор о ненападении, а также переговоры с Литовской республикой о заключении подобного пакта должны были оказать отрезвляющее влияние на польское руководство, которое НКВД планировал склонить к подписанию подобного соглашения.

Дипломатические неудачи польского руководства в Локарно в октябре 1925 г. и советско-германский пакт о ненападении от 27 апреля 1926 г. осложнили положение Польской республики [10, с. 325]. Внешнеполитическая угроза и тяжелое экономическое положение послужили причиной правительственного кризиса в Варшаве в конце апреля – начале мая 1926 г., итогом которого станет военный переворот маршала Ю. Пилсудского 12–14 мая 1926 г. [19, с. 122–123]. Однако военный переворот не оказал серьезное влияние на дипломатические отношения в Восточной Европе, несмотря на одиозность польского маршала.

На фоне политической нестабильности в Польше произойдут политические изменения и в Литве. На выборах в Третий сейм Литвы 8–9 мая 1926 г. одержала победу левоцентристская коалиция. Занявшие в июне 1926 г. пост президента Литвы К. Гринюс и пост премьер-министра М. Слежявичюс пошли на либерализацию режима в республике, вследствие которой начался серьезный политический раскол между левоцентристским правительством и консервативно настроенной частью общества, в первую очередь армией [20, с. 175]. В декабре это приведет к авторитарному перевороту, но несколько месяцев правления Слежявичюса стали решающими для советско-литовских переговоров.

Правительству М. Слежявичюса не удалось наладить отношения с Польшей, в связи с чем литовское руководство продолжило подготовку к подписанию гарантийного соглашения с СССР. Понимая, что при подписании договора о ненападении с Литвой помимо общих формулировок о нейтралитете, которые использовались в договорах СССР с Турцией и Германией, литовцам был необходим пункт о признании границ согласно Московскому договору от 12 июля 1920 г., советское дипломатическое ведомство не спешило подписывать договор о ненападении с Литвой, поскольку напоминание о «Виленском вопросе» и позиции по нему Москвы оказало бы негативное влияние на советско-польские отношения. Тем не менее на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 13 мая 1926 г., после заслушивания доклада М. М. Литвинова было принято решение: «Принять предложение НКВД о заключении договора с Литвой о нейтралитете» [15, л. 2].

Ввиду политической неопределенности и угрозы силового подчинения Литвы Польшей, возглавляемой Ю. Пилсудским, к вопросу о заключении гарантийного соглашения с Литвой советское руководство вернулось только в августе 1926 г. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 12 августа 1926 г., после заслушивания докладов М. М. Литвинова, С. И. Аралова и С. С. Александровского [16, л. 2] были приняты следующие решения: «а) Принять в основе предложенную НКВД формулировку дополнительного к договору документа по виленскому вопросу. б) Предложить НКВД предварительно проверить все имеющиеся по этому вопросу официальные документы (ноты, заявления и т. п.) и переработать формулу, включив в нее ссылки на формальные акты советского правительства и общественное мнение СССР» [11, с. 284]. Таким образом, основа для подписания соглашения с Литвой была готова уже в августе 1926 г. Для подписания данного соглашения оставалось принять политическое решение, которое зависело от хода советско-польских переговоров, поскольку подписание договора с Литвой, в котором Виленский край будет признан литовской территорией, значительно ухудшало советско-польские отношения и затрудняло вопрос о подписании советско-польского гарантийного соглашения.

Переворот Ю. Пилсудского в Польше стал причиной приостановки процесса советско-польских переговоров о гарантийном пакте. Советское руководство опасалось вторжения польских войск в Литву. Несмотря на опровержение подобных планов министром иностранных дел Польши А. Залесским в разговоре с П. Л. Войковым [4, с. 296–297] и официальной политической программой Ю. Пилсудского, изложенной в секретном докладе НКВД СССР от 11 июня 1926 г., в которой польское правительство декларировало желание мирно договориться с Литовской республикой ввиду ее корректной позиции во время переворота [18, л. 76], в июле 1926 г. в Польше и Литве активно распространялись слухи о возможном силовом подчинении Литвы Польшей [12, с. 129]. Тем не менее польские власти не пошли на обострение отношений с Литвой в 1926 г., и внешнеполитическая ситуация в Восточной Европе кардинально не изменилась.

В августе 1926 г. процесс подписания гарантийного соглашения между Варшавой и Москвой был близок к своей реализации. Польский министр иностранных дел А. Залесский планировал совершить визит вежливости в Москву в ответ на визит Г. В. Чичерина в сентябре 1925 г. Стоит отметить, что в 1926 г. визит министра иностранных дел Польши в Москву был перенесен на позднюю осень, а в итоге не состоялся [4, с. 732]. Подготовленный советской

стороной проект договора о ненападении с Польской республикой был передан советским полпредом П. Л. Войковым министру иностранных дел А. Залесскому 24 августа [6, с. 45], однако ответ советской стороне придется ждать более двух месяцев [19, с. 131]. В августе 1926 г. советской стороне станет очевидна невозможность подписания двустороннего акта с Варшавой в обозримой перспективе. Переговоры о заключении гарантийных соглашений с руководством Латвии, Эстонии и Финляндии, начатые по решению заседания коллегии НКВД от 2 августа 1926 г., также не принесли ощутимый результат, и возможность заключения договоров о ненападении с руководствами Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии на приемлемых для советской стороны условиях не предвиделась [19, с. 128–132]. Таким образом, надежды НКВД на достижения договоренностей по Гарантийному пакту с Польшей и странами-лимитрофами не оправдали ожиданий советских дипломатов, а переговорный процесс с дипломатами из данных государств не имел прогресса к сентябрю 1926 г.

Отсутствие прогресса в гарантийных переговорах с Польшей, Латвией и Эстонией в сентябре 1926 г. означало, что единственным возможным шагом советской дипломатии в данном регионе мог стать гарантийный договор с Литвой. Кроме того, угроза военного подчинения Литвы со стороны Польши также способствовала сближению позиций Москвы и Каунаса, в связи с чем советское руководство стало допускать возможность уступок Литве по вопросу о подтверждении статуса Виленского края в пользу Литовской республики [12, с. 129]. Недопустимость силового подчинения Литвы для СССР обуславливалась тем, что в Москве использовали «Виленский вопрос» и позицию Литвы для недопущения консолидации прибалтийского региона под эгидой Польши. Отказ же Литвы от Виленского края и политическое сближение Каунаса с Варшавой позволили бы польским властям организовать военно-политический Балтийский блок, который неизбежно имел бы антисоветскую направленность [8, с. 129–134].

В данных условиях на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 16 сентября 1926 г. были приняты следующие решения: «а) Считать возможным, чтобы НКВД при переговорах со Сляжевичем [М. Сляжевичюсом], в случае необходимости, в осторожной форме дал понять о возможности обращения советского правительства по поводу готовящегося нападения Польши на Литву» [13, л. 118]. Таким образом, ввиду отсутствия успехов в гарантийных переговорах с Польшей, Латвией и Эстонией советское дипломатическое ведомство вернулось к идее заключения гарантийного соглашения с Литовской республикой. В связи с этим в сентябре 1926 г. в Москве в общих чертах приняли апрельские требования литовской стороны и выразили готовность проявить позицию советской стороны по «Виленскому вопросу», а литовцы готовы были принять данное заявление вне основного текста договора о ненападении. Литовское руководство было готово подписать договор о ненападении с СССР в кратчайшие сроки при условии подтверждения признания СССР принадлежности Виленского края за Литвой, в связи с чем, прибыв в Москву в 15.00 28 сентября 1926 г., литовская делегация после непродолжительных переговоров в тот же день подписала гарантийный пакт с СССР [11, с. 284].

Важнее самого договора, который был типовым для советской дипломатии в те годы и носил формальный характер заявления о нейтралитете, неагрессии и неучастия во враждебных по отношению друг другу коалициях, были 4 дипломатические ноты, которыми Г. В. Чичерин и М. Сляжвичюс обменялись после подписания договора. В данных нотах советское правительство признавало Виленский край частью Литовской республики, а литовское правительство обязывалось не участвовать в антисоветских коалициях [4, с. 446–451]. Помимо письменных договоренностей в ходе визита М. Сляжвичюса в Москву было заключено устное «Джентельменское соглашение», по которому обе стороны обязывались обмениваться информацией касательно международных проблем, представлявших интерес для СССР и Литвы [11, с. 284]. Данные устные договоренности между Литвой и СССР сохраняются даже после военного переворота в Каунасе и отставки М. Сляжвичюса [8, с. 134].

Подписание советско-литовского договора 28 сентября 1926 г. о ненападении и нейтралитете стало успехом советской дипломатии, поскольку надежды недружественных по отношению к Советскому Союзу стран на объединение восточноевропейских государств в единый блок против СССР были торпедированы советско-германским и советско-литовским гарантийными договорами в 1926 г. Благодаря данному соглашению советской дипломатии удалось укрепить дипломатическое положение Советского Союза. Для Литвы сотрудничество с СССР также было выгодно, поскольку советская поддержка позволяла Каунасу отстаивать свои притязания на Виленский край и останавливала Польшу от силового подчинения Литвы.

Список литературы

1. Буткус З. Дипломатическая деятельность первого советского посла в Литве А. Е. Аксельрода (сентябрь 1920 – март 1921 г.) // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX – 30-е гг. XX века. М. : ИВИ РАН, 2002. С. 113–129.
2. Всемирная история. Т. 6. Мир в XX веке: Эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1 / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2019.
3. Документы внешней политики СССР. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 8. 1925 г. 864 с.
4. Документы внешней политики СССР. М. : Политиздат, 1964. Т. 9. 1926 г. 784 с.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М. : Наука, 1966. Т. 4. Апрель 1921 г. – май 1926 г. 562 с.
6. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 5. Май 1926 г. – декабрь 1932 г. М. : Наука, 1967. 616 с.
7. Зубачевский В. А. «Конфликтная модель» политики СССР в Центральной Европе (1922–1925 гг.) // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. : сборник статей. М. : ИВИ РАН, 2011. С. 180–200.
8. Каспаравичюс А. Советская дипломатия и литовско-польский конфликт. 1925–1935 // Советско-польские отношения в условиях Европы 30-х гг. XX столетия : сб. статей. М. : Наука, 2004. С. 129–138.
9. Литва – Россия. 1917–1920 гг. : сб. документов / сост. Ч. Лауринавичюс, А. Каспаравичюс, З. Буткус, И. А. Кукушкина, А. В. Шубин. Вильнюс : Институт истории Литвы, 2020. 522 с.
10. Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М. : Молодая гвардия, 2008. 474 с.
11. Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М. : Алгоритм, 2015. 608 с.
12. Павлова М. С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 гг. М. : Аспент пресс, 2016. 176 с.
13. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17 Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп. 162. Д. 3.
14. РГАСПИ. Ф. 17 Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп. 3. Д. 399.
15. РГАСПИ. Ф. 17 Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп. 3. Д. 560.
16. РГАСПИ. Ф. 17 Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп. 3. Д. 580.
17. РГАСПИ. Ф. 325 Троцкий Лев Давидович. Оп. 2. Д. 27.
18. РГАСПИ. Ф. 76 Дзержинский Феликс Эдмундович. Оп. 2. Д. 58.
19. Рупасов А. И. Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства – лимитрофы в 1920-х – начале 1930-х гг. СПб., 2008. 284 с.
20. Эйдинтас А., Бумблаускас А. История Литвы / А. Кулакаускас, М. Тамошайтис; пер. Е. Суворовой. Вильнюс : Eugrimas, 2013. 317 с.
21. Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie, 1921–1939. Warszawa, 1997.

Soviet-Lithuanian relations in preparation for the conclusion of a non-aggression treaty with Lithuania

Bakanov Dmitry Konstantinovich

junior researcher at the Institute of Universal History, Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. ORCID: 0009-0000-1078-9373. E-mail: b79190524539@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the development of Soviet-Lithuanian relations in 1923–1926, which led to the signing of the non-aggression treaty between the USSR and the Republic of Lithuania on September 28, 1926. The importance of the Lithuanian direction of foreign policy of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR was due to attempts by France and Great Britain to create an anti-Soviet bloc from the states that appeared on the ruins of the Russian, German and Austro-Hungarian empires-limitrophes. However, it arose after the "Zheligovsky Riot" of 1920. The Vilna issue became the cause of the Polish-Lithuanian conflict, which made this unification impossible. The decision of the League of Nations of the "Vilna question" in 1923 in favor of Warsaw strengthened the willingness of the leadership of the Republic of Lithuania to develop bilateral relations with the USSR. Poland turned out to be a more important player for the main participants in the Versailles-Washington system of international relations, and the political interests of Kaunas were not as important for London and Paris as the interests of Warsaw. Due to the complexity of Soviet-Polish relations, Lithuania became a natural ally of the USSR in the region, which allowed Soviet diplomacy to resist the plans of the League of Nations participants in the formation of an anti-Soviet "Sanitary Cordon". The first attempt to sign a non-aggression treaty with Lithuania will be made by the People's Commissariat for Foreign Affairs in 1923. However, due to the successful resolution of the "Memel issue", the Lithuanian side in early 1924 refused such a close rapprochement with the USSR, fearing a negative reaction from France and Great Britain. In 1926 The USSR and the Republic of Lithuania returned to the idea of concluding a non-aggression treaty in connection with the mili-

tary coup of Yu. Pilsudski in Poland, the threat of the forceful subordination of Lithuania by the Polish armed forces, as well as the diplomatic failures of both sides in negotiations with Latvia, Estonia and Finland on guarantee agreements.

Keywords: USSR, Lithuania, Versailles-Washington system, Vilna issue, G. V. Chicherin, guarantee agreements.

References

1. Butkus Z. *Diplomatičeskaya deyatel'nost' pervogo sovetskogo posla v Litve A. E. Aksel'roda (sentyabr' 1920 – mart 1921 g.)* [Diplomatic activity of the first Soviet Ambassador to Lithuania A. E. Axelrod (September 1920 – March 1921)] // *Rossiya i Baltiya. Narody i strany. Vtoraya polovina XIX – 30-e gg. XX veka* – Russia and the Baltic States. Peoples and countries. The second half of the XIX – 30s of the XX century. M. IVI RAS, 2002. Pp. 113–129.
2. *Vsemirnaya istoriya. T. 6. Mir v XX veke: Epoha global'nyh transformacij. Kn. 1* – World History. Vol. 6. The world in the XX century: The era of global transformations. Book 1 / rev. A. O. Chubaryan. M. Nauka (Science), 2019.
3. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. M. Gospolitizdat, 1963. Vol. 8. 1925. 864 p.
4. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. M. Politizdat, 1964. Vol. 9. 1926. 784 p.
5. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skih otnoshenij* – Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. M. Nauka (Science), 1966. Vol. 4. April 1921 – May 1926. 562 p.
6. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skih otnoshenij. T. 5. Maj 1926 g. – dekabr' 1932 g.* – Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Vol. 5. May 1926 – December 1932. M. Nauka (Science), 1967. 616 p.
7. Zubachevskij V. A. "Konfliktnaya model'" politiki SSSR v Central'noj Evrope (1922–1925 gg.) ["Conflict model" of the USSR policy in Central Europe (1922–1925)] // *Versal'sko-Vashingtonskaya sistema: vozniknovenie, razvitie, krizis, 1919–1939 gg. : sbornik statej* – The Versailles-Washington system: emergence, development, crisis, 1919–1939 : collection of articles. M. IVI RAS, 2011. Pp. 180–200.
8. Kasparavichyus A. *Sovetskaya diplomatiya i litovsko-pol'skij konflikt. 1925–1935* [Soviet diplomacy and the Lithuanian-Polish conflict. 1925–1935] // *Sovetsko-pol'skie otnosheniya v usloviyah Evropy 30-h gg. XX stoletiya : sb. statej* – Soviet-Polish relations in the conditions of Europe in the 30s of the XX century : collection of articles. M. Nauka (Science), 2004. Pp. 129–138.
9. *Litva – Rossiya. 1917–1920 gg. : sb. dokumentov* – Lithuania – Russia. 1917–1920 : collection of documents / comp. Ch. Laurinavicius, A. Kasparavicius, Z. Butkus, I. A. Kukushkina, A. V. Shubin. Vilnius. Institute of Lithuanian History, 2020. 522 p.
10. Matveev G. F. *Pilsudskij* [Pilsudsky]. M. Molodaya gvardiya (Young guard), 2008. 474 p.
11. Mel'tyuhov M. I. *Pribaltijskij placdarm v mezhdunarodnoj politike Moskvyy (1918–1939 gg.)* [The Baltic bridgehead in Moscow's international politics (1918–1939)]. M. Algorithm, 2015. 608 p.
12. Pavlova M. S. *Litva v politike Varshavy i Moskvyy v 1918–1926 gg.* [Lithuania in the politics of Warsaw and Moscow in 1918–1926]. M. Aspent Press, 2016. 176 p.
13. RSASPH (Russian State Archive of Socio-political History). F. 17 Central Committee of the CPSU (1898, 1903–1991). Inv. 162. File 3.
14. RSASPH. F. 17 Central Committee of the CPSU (1898, 1903–1991). Inv. 3. File 399.
15. RSASPH. F. 17 Central the CPSU Committee (1898, 1903–1991). Inv. 3. File 560.
16. RSASPH. F. 17 The Central Committee of the CPSU (1898, 1903–1991). Inv. 3. File 580.
17. RSASPH. F. 325 Trotsky Lev Davidovich. Inv. 2. File 27.
18. RSASPH. F. 76 Dzerzhinsky Felix Edmondovich. Inv. 2. File 58.
19. Rupasov A. I. *Garantii. Bezopasnost'. Nejtralitet. SSSR i gosudarstva – limitrofy v 1920-h – nachale 1930-h gg.* [Guarantees. Safety. Neutrality. The USSR and the limitrophe states in the 1920s – early 1930s]. SPb. 2008. 284 p.
20. Eidintas A., Bumblauskas A. *Istoriya Litvy* [The History of Lithuania] / A. Kulakauskas, M. Tamoshaitis; transl. E. Suvorova. Vilnius. Eugrimas, 2013. 317 p.
21. Łossowski P. *Stosunki polsko-litewskie, 1921–1939*. Warszawa, 1997.